

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ХЭЛЛОУИН

АННА ОДУВАЛОВА

КТО ПОДСТАВИЛ ТЁМНОГО
ВЛАСТелиНА?

ДАРЬЯ СТААЛЬ, КИРА КРААШ
ПОМОЩНИЦА ЕГО ЗЛОДЕЙШЕСТВА

МАРИНА ГРИШИНА

ТВОЙ ХОД, БАРОН САМЕДИ!

АННА ОДУВАЛОВА И ДР.

ВЕДЬМЫ И ТЫКВЫ

ЛИРА АЛАЯ

СВЕТЛАЯ ПОМОЩНИЦА ТЕМНОГО
ДРАКОНА

МАРГО ГЕНЕР

ХЭЛЛОУИНСКАЯ ИСТОРИЯ
В АКАДЕМИИ МАГИИ

ТАТЬЯНА ТЕРНОВСКАЯ
МОЙ МАГИЧЕСКИЙ ГОД
СЕЗОН ТЫКВ

ЛИРА АЛАЯ

МУЖ И ЖЕНА – ОДНА САТАНА

**АННА ОДУВАЛОВА,
МАРИНА ЕФИМИНЮК,
ДАРЬЯ СТААЛЬ, КИРА КРААШ,
ОЛЬГА ПАШНИНА И ДРУГИЕ
НЕКРОМАНТЫ И ЛАТТЕ**

АННА ОДУВАЛОВА, МАРИНА ЕФИМИНЮК,
ДАРЬЯ СТААЛЬ, КИРА КРААШ,
ОЛЬГА ПАШНИНА и другие

НЕКРОМАНТЫ И ЛАТТЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Иллюстрация на переплете *Adacta Aries*

Некроманты и латте. — Москва : Эксмо,
Н48 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-242788-6

Каждый некромант знает, что правильно подобранное заклинание может взбодрить любую нежить. А правильно подобранный кофе взбодрит любого некроманта!

Этой осенью чашечка латте поможет случайно поднять ближайшее кладбище, перепутать девицу с умертвием и даже заключить удачный брачный союз.

Два кофе с собой, пожалуйста!

Вам любовь с сахаром или без?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Одувалова А., текст, 2026
© Пашнина О., текст, 2026
© Ефимиюк М., текст, 2026
© Стааль Д., текст, 2026
© Крааш К., текст, 2026
© Руд С., текст, 2026
© Томская С., текст, 2026
© Воронцова А., текст, 2026
© Лисина В., текст, 2026
© Дари А., текст, 2026
© Милованова А., текст, 2026
© Блю Э., текст, 2026
© Морозова О., текст, 2026
© Алинина К., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242788-6

Анна Одувалова

НЕКРОФЕЙНОЕ МЕСТО

— **Н**екофейное место, — сказал папа, когда мама решила открыть кофейню.

Поэтому мы обзавелись таверной. С ней никто не знал, что делать, включая папу, который энтузиазмом горел первые два месяца, а потом отвлекся на что-то другое.

Старое покосившееся здание стояло на обочине на въезде в город. И до нас, счастливых его обладателей, видело только крыс и редких, желающих чем-то поживиться пьянчуг. Пьянчуг ждало разочарование, нашу семью — тоже. Потому что место оказалось не только некофейным, но и вообще нелюдным.

Так было десять лет назад. За это время родители, конечно, сделали очень много, чтобы заработать себе репутацию и привлечь посетителей. Сегодня таверна «Некроманты, ведьмы и драконы» была одной из самых популярных на Северном Алмазном тракте, соединяющем столицу империи

Росвельд с дальними провинциями, где в горах добывали драгоценные камни и золотую руду.

Но место действительно вышло некофейным. Папины слова оказались пророческими. Сюда заезжали пообедать усталые путники. В ходу у нас было пиво, которое батюшка сам варил по личному рецепту — последние три года пенное стало даже можно пить. И даже если ты не тролль-наемник. Еще посетители жаловали рульку запеченную. Естественно, в пиве, с квашеной капустой, хрустящими солеными огурчиками и румяным молодым картофелем. А кофе — нет, что очень сильно расстраивало матушку. Да и, что говорить, меня.

Но я искренне полагала, что не хватает нам, как по-модному говорят, нужного позиционирования. Родители со мной не соглашались и не давали разгуляться таланту юного маркетолога, хотя учебу на новомодном факультете одобрили. Сейчас родители впервые за пятнадцать лет уехали в небольшой, но долгожданный отпуск, решив, что я стала достаточно взрослой и могу управлять таверной в течение недели.

В университете я оформила десятидневный отпуск по семейным обстоятельствам. На пятом курсе в самом начале года к такой вольности отнеслись снисходительно. У меня были хорошие оценки и отсутствовали долги.

Поэтому, оказавшись дома без родительского надзора и с карт-бланшем в руках, я взялась за

работу. И изменять позиционирование начала с вывески, решив, что красивая чашка кофе и два пышных круассана — лучше, чем покосившиеся и облупившиеся от времени пивные кружки. О том, что и какими словами скажет папа, когда вернется, я старалась не думать. Ведь если у меня все получится, то ругаться никто не будет. Победителей не судят!

Ситуацию осложняло полное отсутствие у меня художественных талантов, а доставшаяся по наследству от бабушки магия в этом деле помогала плохо. Зато в остальном — хорошо, чем я беззастенчиво пользовалась.

Для создания шедевра, который будет украшать стену таверны, пришлось выловить моего бывшего одноклассника. Не знаю, как его художественный талант поживает сейчас, но помнится, в школе шаржи он рисовал лучше всех.

Гремм сопротивлялся, рассказывал о занятости и о молодой жене, которой вот-вот предстоит рожать, но спорить с ведьмой себе дороже. Всего-то одна маленькая угроза и небольшая молния в зад — и вот уже у меня есть личный рисовальщик, который сидит в тенечке и под моим чутким руководством малюет красоту на обратной стороне прежней вывески.

На улице стояла восхитительная погода. Золотая осень, когда солнце еще светит по-летнему щедро, но воздух уже наливается прозрачной

хрустальной свежестью. Клены у тракта были все в лимонных и охристых пятнах, березы роняли по ветру золотистые, похожие на монетки листья. Небо было чистым и синим, а легкий ветерок гнал по дороге сухие листья. Настоящее раздолье для путешественников, пока тракт не развезло осенними дождями. Ну и руководить в такую погоду — тоже одно сплошное удовольствие, чем я и занималась уже почти два часа.

На фасаде сейчас красовалась только часть вывески, а именно «НЕКРОМАНТЫ». Наш повар Эльгоф, категорически несогласный с моими дизайнерскими изысканиями, еще с утра под некромантами коряво красной краской приписал: «И КОФЕ». Я, конечно, ругалась, но переделывать не стала: пусть художественное исполнение и подкачало, посыл был верным.

Солнышко сегодня припекало по-летнему. Я даже сняла куртку из добротной черной замши и осталась в одной плотной холщовой рубаше до середины шиколоток. Рубаша была перехвачена ярким поясом с бронзовыми бляшками (на каждой выдавлен символ глаза, отгоняющий сглаз). На груди висели алые бусы из мелких камушков — драконьих слезок, которые мне подарила одна странствующая травница. А ярко-рыжие волосы вились на ветру задорными кудряшками. Все потому, что я вчера перед сном голову не сушила, а с кудрявыми волосами это строжайше запреще-

но, если не хочешь походить на лесную ведьму. С другой стороны, мой вид вполне вписывался в атмосферу этого места. Родители старались, чтобы наши гости полностью погрузились в дух средневековой таверны.

В городе сейчас одевались по-другому. Не то чтобы я не знала современной моды или не следовала ей в обыденной жизни, но дома могла себе позволить быть немного эпатажной и странной ведьмой. Особенно в такое утро: золотое, ласковое, когда из таверны пахнет сбитнем и томящейся рулькой.

Оставалось дожждаться, когда Гремм закончит свой шедевр, и можно встречать первых гостей.

Впрочем, гости пожаловали раньше. Правда, не совсем сами. Их нам подкинуло провидение.

Колесо следующего по тракту экипажа отвалилось аккурат перед нашими воротами. Ну божественный знак, не иначе! Я бодро поспешила встречать путников, которые определенно захотят испить чудесного чего-нибудь и отобедать, раз уж с ними приключилась такая оказия.

Солнце висело уже довольно высоко, заливая двор золотисто-медовым светом. Воздух был прозрачен и сух. Пахло прелым листом, дымком из печи и чуть уловимым ароматом почти готовой еды. В такой день даже поломанная повозка казалась пустяком. Особенно если сломалась она не у тебя.

Из экипажа, причудливо завалившегося набок, выбрался высокий господин в черном кожаном плаще и черных же высоких сапогах. Лицо его было бледным и недовольным — то ли из-за тряски, то ли в целом по жизни, то ли в силу приключившейся неприятной дорожной ситуации. Мужчина задумчиво устался на колесо, вокруг которого, почесывая залысину, уже ходил кучер в клетчатой куртке и штанах с оттянутыми коленями.

— Ну и? — произнес мужчина усталым, ледяным голосом, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Так вот... — столь же неопределенно ответил кучер, разводя руками.

Я поняла, что настал мой звездный час, и ускорила.

— Это вас провидение сюда привело! Вы очень удачно сломались! — выпалила я, подходя ближе и стараясь придать голосу побольше радушия. Ну, еще немного надеясь, что меня за него сразу же не прибьют.

— Н-да? — удивился мужчина и повернулся ко мне. Он был довольно молод (лет двадцать пять, может быть — тридцать) и вполне симпатичен. Правильные черты лица, ироничная улыбка на красивых губах и черные длинные ресницы.

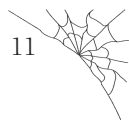
В ту же секунду меня обдало холодной и неприятной волной некромантской магии: глаза мужчины сверкнули холодной синевой, и вокруг

потянуло могильным холодом. Но нас этим не прошибешь, у нас и не такие гости бывали.

— Конечно! Вы могли бы сломаться посреди тракта, где до ближайшего теплого обеда и ночлега нужно идти пешком очень далеко и тяжело. А здесь, — я широким жестом обвела потемневшие от времени, но крепкие ворота таверны, черепичную крышу и садовые скульптуры в виде сонных домовых, — здесь все лучшее рядом. И поедите, и экипаж почините. Его можно отогнать в мастерскую, расположенную буквально через пару домов — к утру вернут в лучшем виде. Вы только сходите и попросите. Мужики помогут убрать с дороги.

Кучер заметно оживился, радостно кивнул и припустил в указанном направлении, но тут же споткнулся о корень старого вяза и чуть не растянулся. Некромант неодобрительно приподнял бровь, но мужчина уже выровнялся и, выругавшись, затрусил дальше. Правда, несколько медленнее и осторожнее. А некрмант повернулся ко мне. Взгляд у него был скептическим. Еще бы: экипаж новый, дорогой... Лакированные борта с медными вставками, внутри угадывались бархатные подушки, одежда тоже явно не из дешевых. А мы хоть и приличное заведение, но все же не столичный ресторан из мрамора и магического стекла.

Некрмант поднял глаза на еще недописанную вывеску.

— «Некромант и кофе...» — прочитал он и усмехнулся уголками губ. — Что ж... некромант у вас есть. А кофе приготовите?

А вот с этим была проблема. Моя задача — не кухня, а позиционирование. Я надеялась, что буду позиционироваться, а кофе сварит мама, когда вернется из отпуска. Но упасть лицом в грязь перед явно столичным гостем мне очень не хотелось. Поэтому я приклеила к лицу счастливую улыбку и, не моргнув, ответила:

— Безусловно!

Стоило, конечно, скрестить за спиной пальцы, зря я пренебрегла столько раз выручавшим в детстве охранным знаком.

— Латте на кокосовом, — бросил некромант и направился ко входу, лениво перешагнув через лужицу, оставшуюся после вечернего дождя.

Я осталась стоять как вкопанная и едва не бросила ему в спину:

— Шта... простите?

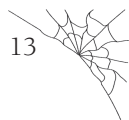
Но вовремя прикусила язык. Желание клиента — закон. Даже если этот клиент — некромант, заказывающий в придорожной таверне столичный латте на кокосовом молоке. И это в мире, где кокосы водятся за тридевять земель, в теплых южных провинциях, куда торговые караваны идут месяца два.

Нет, я представляла, что такое «латте». И даже знала, что молоко бывает не только «козье», «коро-

вье» и «скисшее». Но как все это организовать на нашей кухне? Там стояла допотопная кофеварка, купленная мамой, еще когда она хотела кофейню, а не таверну, и лежали старые кофейные зерна, часть из которых наш дворовый пес превратил в новомодный сорт лювака. Правда, остальное мы спасли, а лювак откапывать не стали. Ну и молоко. Обычное, коровье, которое принесла с утра соседка.

Некромант уверенно скрылся в таверне. Я направились за ним следом, но по дороге свернула к Гремму — убедиться, что тот не отвлекся и рисует строго по запросу. И с той скоростью, с какой есть шанс управиться до заката. Я подозревала, что еще раз бывшего одноклассника заманить сюда не выйдет, поэтому мне было принципиально, чтобы он дорисовал вывеску за один день.

Гремм сидел на складном табурете у самой стены, склонив голову набок и прищулив один глаз — точь-в-точь как в школе, когда он рисовал карикатуры на учителей и одноклассников. На доске уже проступили очертания пузатой чашки, над которой вились струйки пара. Рядом Гремм набросал что-то, чему предстояло стать круассаном. Пока, правда, скорее напоминающего свернутого в клубок дракончика. Но я решила не придирааться. Не то чтобы в окрестностях был богатый выбор художников. Лучше Гремма все равно никто не

сделает, поэтому придется полагаться на его чувство прекрасного.

Солнце светило парню в затылок, золотя кончики ушей, а с кленов то и дело срывались листья и ложились прямо на свежую краску. Приходилось их сдувать.

— Это кто? — поинтересовался Гремм, указывая на некроманта.

Как и любой житель маленького городка, художник был охоч до сплетен. Он даже кисть опустил и смотрел на меня с неподдельным любопытством.

— Да кто ж его знает? — Я пожала плечами. — Но понимаю, что он хочет кофе и явно у нас заночует.

— Думаешь?

— А что думать? Я знаю. Повозку-то ему хорошо, если завтра сделают.

— Откуда такая уверенность? — уточнил Гремм и подправил круассан на вывеске. Видимо, странной его форма казалась не только мне.

— Так у братьев Симтров запой... Они у нас вчера до ночи буянили, а с утра уже под окнами за опохмелом скреблись. А я спала и была зла.

— Послала? — понимающе кивнул Гремм, который хорошо знал мой характер.

— Послала. — Я не стала отпираться. С утра я человеколюбием не отличалась. Не просто же так таверна работала с полудня. — А значит, по-

хмелялись они в третьем доме по Зеленой улице. А там самогон такой забористый, настоящий на кореньях и травах по рецепту еще прабабки хозяйки, что в себя мужики придут не раньше завтрашнего утра. Так что вариантов у некроманта нет, а у нас плюс один постоялец.

Я говорила это, а сама краем глаза следила, как Гремм выводит контуры кофейной чашки. Краска на солнце поблескивала, и мне вдруг подумалось: а хорошо, что я его все-таки приволокла. Получалось красиво.

Я еще раз окинула взглядом будущую вывеску и, радостно напевая под нос незамысловатый мотивчик, направилась в таверну. По дороге размышляла, как из подручных продуктов (точнее, из того, что есть в кладовой и на полках) соорудить некроманту латте на кокосовом молоке. И к тому времени, как добралась до кухни, уже почти придумала.

Таверна встретила меня привычным теплом и запахами. Горьковатый аромат дров, кислинка квашеной капусты из дальнего чана, сладковатый дух сбитня на меду: его Эльгоф разогревал для утренних путников в медном котелке, помещивая поварешкой с длинной ручкой, обмотанной обожженным шнурком. На столешнице валялась засохшая корка ржаного хлеба и мой вчерашний список дел на сегодня, где первым пунктом значилось «поменять вывеску», вторым что-то быто-

